

АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ ЛУЖИН — ПЕРВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ ГРИГОРОВА

В 60-е годы в студенческом театре МГУ ставили любопытный спектакль. Начинался он так: в абсолютно темном зале на сцену выходил артист и включал фонарик. Луч скользил по стенам, потолку, залу, как бы оживляя голоса, звучавшие здесь когда-то. Театр находился в бывшей студенческой церкви Татьяны, что в начале улицы Герцена, которая за 200 лет своей жизни слышала немало, и теперь, «из тьмы веков», доносилась до зрителей История, Старина. Спектакль так и назывался — «Старые берем и показываем», так непочтительно-насмешливо назвал Марк Розовский Историю.

Я вспоминала этот спектакль, начиная работу о дворянах Лужиных, размышляя, какой бы волшебный лучик помог мне заглянуть в средневековую Москву, а именно там в середине XVII века появляются на исторической сцене дворяне Лужины.

Но почему именно Лужины?

Все началось три года назад, когда я в первый раз попала в Григорово, которое с 1938 года отдано московским туристам, и сегодня это Дом юного туриста, загородная база Московской городской станции юных туристов. Здесь круглый год проходят соревнования, слеты, тренировки. Место очень живописное: отроги Клинско-Дмитровской гряды — лес, овраги, родники и в любое время года свои неповторимые краски, закаты и рассветы. Случайно узнаю, что это бывшее имение Лужиних, что они владели им около трехсот лет и что не менее интересная история у Григорова была и после 1917 года, в 30-е годы, и многое-многое другое, о чем не знают приезжающие сюда московские школьники.

Вот так и родилась мысль собрать историю красивейшего подмосковного местечка по имени Григорово, а начать с истории дворянского рода Лужиных, владевших имением 259 лет.

Первые материалы предоставил Дмитровский краеведческий музей. То, что именно в Дмитрове лежал лужинский архив, понятно: его владельцы почти 300 лет были дмитровскими помещиками. А вот находка случайная и очень щедрая. Оказывается, большой архив Лужиных жил не по месту прописки, в Дмитрове, а уже давно, с конца XIX века, находился в Ростове-Великом у известного в прошлом собирателя частных дворянских архивов Алексея Титова. Об этом на конференции, посвященной 840-летию Дмитрова, в октябре 1994 года рассказала научный сотрудник Ростовского музея Евгения Сазонова.

Сложенные вместе, эти архивы достаточно подробно освещают несомненно главную для Лужиных, но все-таки одну сторону жизни нескольких поколений — имущественную. Научно-исследовательская работа по изучению архива Лужиных продолжается в музее Ростова-Великого и со временем, мы, возможно, узнаем новые любопытные факты.

Этой печатью царя Алексея Михайловича была скреплена купчая Алексея Лужина на Григорово 25 апреля 1658 года

Но жанр научной работы — не для детей, им интересно смотреть и слушать о событиях, приключениях, детективных историях. Поэтому я дополнила архивные мате-

риалы историческими и художественными. И теперь осталась самая малость — услышать рассказ о Лужиных, в котором, как в давнем студенческом спектакле, залом будет земля — московская, дмитровская, ростовская, — а лучом, раскрывающим тайны лужинского рода, и будет все то, что удалось узнать из книг и архивов.

Итак, закончена вступительная речь и мы отправляемся в путь. Я приглашаю в Григорово, которое географически мало изменилось за прошедшие три века.

Первый документально установленный представитель рода Лужиных — Алексей Матвеевич, а первый документ, в котором встречается его фамилия, — купчая на дмитровские земли. С нее и начнем...

Сотник московских стрельцов Алексей Лужин стал владельцем Григорова 25 апреля 1658 года — эта дата стоит в купчей и в грамоте царя Алексея Михайловича, закрепляющей эту покупку. К этому времени у Лужиных были поместья, полученные за службу еще отцом Алексеем Матвеем Лужиным. Из документа, хранящегося в личном архиве профессора А.Г.Еленевского, стало известно, что Матвей Лужин был подьячим, что ему царским указом были пожалованы земли в Костромском уезде Шухомской волости: сельцо Лопатино с деревнями, сельцо Шульгино, Максимово, деревни Троедубное, Поддубное и Шведово — это произошло в 1634 и 1642 годах. Архивы сообщают нам некоторые факты биографии Алексея Лужина: в 1656 году он участвовал в сыскных делах в Заокских городах, и, по-видимому, довольно удачно. Можно предположить, что он получил солидное денежное вознаграждение и, скорее всего, на эти деньги он покупает земли недалеко от Москвы в Вышегородском стане Дмитровского уезда. Несколько слов следует сказать и о человеке, который пропадал Лужину свои земли. Семен Матвеевич Батюшков происходил из старинного дворянского рода, с конца XVI века владевшего землями в Дмитровском уезде. Из архивов известно, что Батюшковы получали земли за военную службу; так, один из них получил вотчину «за московское осадное сидение при царе Василии Шуйском в 1610 году» — Княжью Слободку (это в районе современных деревень Быково, Очево, Яковлево). Батюшковы на службе занимали должности сотника, воеводы; ту же военную карьеру повторит и Алексей Лужин. Возможно, это простое совпадение —

но так повторялось из века в век: менялись фамилии владельцев, но удивительным образом одинаково шли они по служебной лестнице; невидимый дирижер веками играл одну и ту же «мелодию» — владельцы дмитровских земель были из ближайшего окружения царей.

...Стояла золотая осень, и Алексей Лужин с сыном Петром обходил (или обезжал) свои новые владения. Остается загадкой, почему именно пустоши Григорово выбрал Лужин для будущей вотчины: в Муханове (Муханках) места не менее живописные — в этом можно убедиться и сейчас. Однако решение принято, и Григорово, которое было сельцом еще в начале XVI века, а во время «смуты» превратилось в пустошь, теперь предстояло родиться заново. Это и по нашим временам задача трудная, но для ее решения, по-видимому, материальные возможности сотника были вполне достаточными. Алексей Лужин переводит из села Максимова Костромского уезда вотчинный дом, крестьян и начинает обустраивать пустошь Григорово. Через 2 года, в 1659 году, Лужин расширяет свои владения: рядом с Григоровым находилось сельцо Исаково, отделенное от Григорова двумя прудами и колодцем. Исаково было вотчиной Ильи Даниловича Милославского, отца первой жены царя Алексея Михайловича Марии Ильиничны. Стать же зятем царя Илье Даниловичу помог друг юного тогда царя Алексея боярин Морозов. После смерти Марии Милославской царю будет предлагать невесту другой давний друг его юности Артамон Матвеев, и события повторятся — только с другими персонажами.

Итак, сельцо царского зятя становится вотчиной сотника Алексея Лужина; покупка, скорее всего, была оформлена без участия владельца, к этому времени человека очень занятого важными государственными делами. Кстати, это небольшое сельцо обошлось Лужину в те же 300 рублей. Итак, состоялось наше знакомство с помещиком Алексеем Лужиным, но все-таки главной в его жизни была военная служба.

Особенностью военной карьеры Алексея Лужина было то, что она почти целиком пришлась на правление Алексея Михайловича, и то, что местом службы было стрелецкое войско. Стрельцы занимают важное место как в российской истории в целом, так и в истории российского войска в частности. История стрелецкого войска имеет четкие временные рамки и равна 149 годам (1550–1689). Царь Алексей Михайлович жаловал стрельцов, и потому неудивительно, что стрелецкое войско в его правление стремительно растет: от 8 тысяч в начале века до 22 тысяч к концу века; 2 тысячи составляли особый «стремянный» полк. Стрельцы распределялись по приказам, или полкам, называвшимся по своим командирам. Стрелецкий голова, или полковник, назначался из дворян и за свою службу получал поместье, а в Москве, кроме годового денежного и хлебного жалованья, — дворовое место и денежное пособие на постройку двора. В своем приказе голова был полным хозяином: он раздавал стрельцам жалованье, оружие, обучал их стрельбе и воинскому строю, наказывал за разные пропинности, мог временно посадить в тюрьму. Стрельцы были одеты в длинные кафтаны с отложным воротником и петлицами на груди, на голове — суконные шапки, опущенные мехом. Каждый полк имел кафтаны и шапки особого цвета. Вооружение стрельцов состояло из мушкета, сабли и бердыши. Офицеры стрелецких полков носили то же платье и шапки, что и рядовые, но вооружены были только саблей и, как знак служебного достоинства, имели в руках «посох» (палку). Жили стрель-

цы особыми слободами (по 500–1000 человек в каждом поселке) в разных местах столицы, в пределах Земляного вала. Центральные слободы, охранявшие Кремль и Китай–город, стояли на Моховой, против Боровицких ворот, в начале Тверской (на нынешней Манежной площади), на Лубянке и около Маросейки, на месте нынешнего Лубянского сквера. Многие слободы, по соображениям стратегическим, располагались возле ворот укрепленного вала Земляного города. Но главная масса стрелецких слобод находилась за Москвой–рекой, потому что именно на эту часть города обрушивали свой первый удар крымские татары. Стрелецких слобод в Замоскворечье было так много, что эта часть Москвы, входившая в черту Земляного города, долгое время носила особое название — Стрелецкая слобода. Это название под отдельным обозначением имеется и на плане Москвы середины XVII века. В каждой стрелецкой слободе была своя съезжая изба (штаб полка). Здесь хранились деловые бумаги, поручные записи, полковые знамена, трубы, барабаны. Стрелецкая служба была пожизненной. Отставку можно было получить лишь по старости, когда у стрельца валялся из рук бердыши, из-за тяжелого увечья или неизлечимых ран. Сыновья и племянники стрельцов состояли на особом учете, так как стрелецкая служба была наследственной. В стрелецкие полки брали и сторонних «охочих» людей, но не тяглых посадских, не холопов и не крестьян, притом брали с очень большим разбором и непременно за поручительством старых стрельцов.

Кроме гарнизонной, караульной и походной службы, стрельцы отбывали казенные «посылки»: «высмотреть татарина», конвоировать шайку «воровских людей», изловить отчаянного разбойника, оберегать «государеву казну» на судах, плывущих по Волге, сопровождать посольство, тушить пожар и т.д., и т.п.

Тяжела была стрелецкая служба, но, несмотря на это, охотников вступить в нее было всегда достаточно. Объясняется это тем, что помимо дворового места (обычно 30 квадратных сажен) с огородом стрельцы пользовались выгоном и пашней вне слободы. Получали денежное и хлебное жалование, сукно на кафтаны, освобождались от общепосадского тягла и имели право беспошлинико торговать вразнос или в палатах на территории своей слободы предметами своего производства на сумму до одного рубля. Стрельцы, получившие отставку, продолжали жить в своих слободах и пользоваться различными льготами; жены и дети убитых или взятых в плен стрельцов имели право жить на дворах своих мужей и отцов.

...Будем считать, что закончилась наше краткое знакомство с Москвой XVII века и историей стрелецких слобод, нам удалось прикоснуться к истории средневековой Москвы и стать ее заинтересованными зрителями. Думаю, не ошибусь, если скажу, что у каждого бывает в жизни такая встреча с Историей, которая захватывает настолько, что стирается чувство времени, и, сам того не замечая, ты уже не зриттель, а участник, причем очень взволнованный и заинтересованный — будь то книга, спектакль или кино... Восстановливая вехи биографии Алексея Лужина, я постоянно ловила себя на мысли, что мы современники — настолько понятны мне его действия, а может быть, и оттого, что все происходит на той же московской земле, по которой он ходил 300 лет назад, а я — сегодня, и изменился лишь внешний облик, а не суть — душа человеческая все та же. Итак, на правах старой знакомой Алексея Лужина, а таковой я чувствую себя с некоторых пор, я приглашаю к нему в гости.

Представим, что на дворе февраль 1665 года и мы, петляя между сугробами, идем в гости к Алексею Лужину, сотнику московских стрельцов. Его деревянный одноэтажный дом совсем молод: в начале лета случился пожар, что было не редкость в деревянной Москве, и стрелецкая слобода выгорела вся дотла: все дома были деревянные. Через несколько дней на Лубянке купили новый сруб и все, что к нему полагается, и в конце лета вселились в новый дом. Как сообщает архив, его дом находился на белой земле за Петровскими воротами, в приходе церкви Рождества Богородицы в Столешниках, то есть там, где нынешнюю улицу Петровку пересекает Бульварное кольцо. Подойдем к этой точке и представим, что перед нами возвышается стена Белого города, которая тогда уже была в почтенном возрасте: ей было около 70 лет. Улица Петровка кончалась у стены Белого города воротами своего имени, кстати, сохранившимися по сей день в названии остановки городского транспорта. Эти ворота и охраняла сотня Лужина, а сам он, конечно, жил рядом с воротами. Сегодня в доме праздник, на днях перевернута очень важная страница биографии хозяина дома: он стал дворянином, отсюда планы, надежды... Всего пять лет назад началась его московская биография, а он смог подняться по этой невидимой иерархической лестнице. Дворянин Лужин отныне представляет средний слой московской элиты, а это значит — новый круг общения, новые обязанности и потребности. Присядем тихонько на лавку и послушаем, о чем говорят в семейном кругу в новоиспеченной дворянской семье. Ничего нового, обычная тема: родители строят планы для сына Петра. Мы уже знаем, что ему «на роду написано» быть стрельцом, однако отец, имея за плечами больше 10 лет службы, уже сейчас не хочет сыну военной карьеры. Удастся ли стать исключением из жесткого правила? Забегая вперед, скажем — удастся. Вечер догорает в слюдяных оконцах, мы покидаем дом Лужина, нам надо засветло добраться до дома: ведь на дворе тревожный XVII век. Алексей Лужин отдыхает, а завтра чуть свет ему велено явиться к шефу — Артамону Сергеевичу Матвееву, ближнему боярину царя.

Очень многое станет понятным в судьбе Лужина, если познакомиться с его начальником. А им был человек, которого западные дипломаты того времени считали главным в московском царстве, человек, который имел огромное влияние на царя, а сам царь писал письма такого рода: «Приезжай скорей, дети мои и я без тебя осиротели. За детьми присмотреть некому, а мне посоветовать без тебя не с кем».

Сын дьяка Сергея Матвеева Артамон был другом царя Алексея, он с детских лет находился при дворе и воспитывался вместе с царевичем. Знающий несколько европейских языков, он был на дипломатической работе в Англии, Италии, Швеции и женился, кстати, на иностранке: его жена была шотландской дворянкой; в Москве она приняла православие и стала называться Евдокией. Матвеев участвовал в военных походах весьма удачно и к 30 годам получил чин полковника. Но главным было то, что Матвеев был западник и пытался внедрять западные нравы и обычаи на Руси. А если вспомнить, что в Москве царское семейство, возглавляемое Милославскими, поклонялось старине, то можно представить, как непросто жилось боярину, имея другом даже самого царя. Матвеев занимался изданием исторической литературы, при нем зарождался театр, правда играли в нем немцы и дворовые люди Матвеева. Именно в его доме слушал царь Алексей первый в столице оркестр и смотрел первые те-

атральные постановки. Матвеев был начальником Монетного двора, главой Казанского и Стрелецкого приказов, а Петровский полк, что у Петровских ворот, был у него в особой милости. А в этом полку, как мы уже знаем, служил Алексей Лужин. Можно предположить, что именно Матвеев заметил сотника Лужина и не без его помощи Лужин получил дворянство.

Именно здесь, в доме своего друга Артамона Матвеева, увидел в 1669 году овдовевший 40-летний царь Наталью, свою будущую жену. Кстати, и первая жена Алексея Михайловича, Мария Милославская, родом из того же Никольского, ныне Армянского переулка. Дом боярина Милославского от матвеевского отделяли несколько десятков метров. На этой московской земле выросли две женщины, дети которых, как яркие кометы, оставили свой след в российской истории, — царевна Софья Милославская и царь Петр, по матери — Нарышкин...

Вернемся в 1669 год. Согласно традиции, был назначен смотр невест, и первые из них, приезжая в Москву, останавливались у своих родственников, стрельцов. Почему стрельцов? Очень просто. Как самое ближнее окружение царя, они первыми узнали о предстоящих смотринах и сообщили своим родственницам. Фамилии стрелецких начальников, в домах которых останавливались претендентки на престол, известны. Правда, названы только три фамилии стрелецких голов из 22 (у Костомарова, Л. Жданова и в другой исторической и художественной литературе). Но можно предположить, что и в домах стрелецких сотников могли останавливаться будущие невесты. Возможно, и в доме Лужина жила в 1669 году будущая царская невеста, а сам Алексей Лужин, как и всякий на его месте, строил планы счастливого будущего на случай «а вдруг». Так или иначе, сотник Алексей Лужин был свидетелем царских смотринах и наверняка нес караульную службу во дворце. О том, что это было именно так, а не иначе, говорят события 22–24 января 1671 года, в которых он абсолютно точно принимал участие.

В субботу, утром 21 января, царь побывал у патриарха Иоасафа, открыл ему свое заветное желание и получил благословение на вторичный брак. В этот день, в субботу, караул в Кремле держали рейтары Крауфорда, испытанные, неподкупные царские телохранители, но рейтаров не пустили с караула домой. А на рассвете 22 января «вступил в караул 3-й Петровский полк, в зеленых каftанах, что за Петровскими воротами стоят. А в том полку — Артамон Сергеевич Матвеев — голова. Значит, тоже люди все надежные подобранны», — читаем мы у Льва Жданова в его «Исторической повести конца царствования Алексея Михайловича» (Харьков, 1991, стр. 337). А «ко первому часу дня» (ныне 8 часов утра) приказал царь собрать к себе в покой на совет царевичей, духовный чин и бояр. Задолго до назначенного часа были все они в полном сборе, светить еще не начинало. А теперь вместе с Алексеем Лужиным встанем у дверей переднего покоя царя, именно здесь поставил своего верного сотника Матвеев, и вместе с Лужиным послушаем и посмотрим, что же здесь происходит.

...Именитые бояре Хитрово, Иван Милославский, Соковнин с Вельяминовым с неизрязью поглядывают на Матвеева, который тоже очутился между первыми боярами и духовными советниками царя, хотя ни годами (ему 49 лет), ни чином, ни знатностью рода не получил на это право. Наконец выходит царь и объявляет

торжественно: «Позволили мы избрать себе в царицы единую из девиц—невест, на ми собранных в град престольный Москву. Девица сия — Наталья Кириллова, дочь Нарышкина. Коли выбору моему супротив не станете, ей подадим по обычаю — платок, ширинку, яко царевне, и кольцо наше царское». Собравшиеся отвѣтили царю общим гулом одобрения. И вдруг раздался резкий голос двоюродного брата покойной царицы Ивана Михайловича Милославского: «Видать, наново жить починаем мы на Руси. Новы свычай—обычай и порядки завелися, не наши, московски, исконные, а на заморской лад... По чину и кончину желаю удачливую» (стр. 339). Царь сделал вид, что не слышал дерзкой речи, однако на следующий день, когда Алексей Михайлович одаривал всех ближних, одному Ивану Михайловичу Милославскому пришлось удалиться в почетную ссылку: в Астрахань воеводой назначил его царь и приказал ехать не мешкая, «часу не пропуская» (стр. 354). А пока царь отдает распоряжение: «Артамон, сдай кому иному начальство над караулом, домой поспешай, упреди девицу, нами избранную... Да подтверди наказ: ныне — ни из Кремля, ни в Кремль не выпускать никово без нашего особливого приказу» (стр. 340). После такой речи гости поняли, что оказались в почетном плenу, хотя и на царской свадьбе. А в это время зазвучали трубы в переулке (мы уже знаем — в нынешнем Армянском) и перед домом Матвеева остановился царский поезд. Через час—другой Анна Леонтьевна, мать Натальи, вместе со всей родней усадит свою дочь в царскую «каптанку», и царский поезд, свернув с Никольского переулка вправо, помчит царскую невесту по Ильинке, через Спасские ворота, в царские палаты. Около полудня 22 января 1671 года в Успенском соборе Кремля Алексей венчался с Натальей, и целых три дня гуляла царская свадьба. Пировала не только царская свита, для всех обитателей кремлевских дворов — убогих, юродивых и нищих старцев были накрыты столы. В некоторых литературных источниках прочтем: все пирут — низшая челядь дворовая, стрельцы караульные, рейтары...

А это значит, что наш герой — Алексей Матвеевич Лужин — не только службу нес на царской свадьбе, но был и в роли гостя. «Все три дня были заперты Кремлевские ворота. Ни сюда, ни отсюда никого не пропускали без особого приказа царя. И все время заведовал караулами Артамон Сергеевич Матвеев, которого, вместе с Кириллом Нарышкиным, царь пожаловал и вотчинами, и деньгами, и чином дворянином думного и «комнатного», то есть — приближенного к себе постоянно» (стр. 354).

Стрельцы, охранявшие Кремль эти три январских дня, несли свою обычную службу, да еще и на царской свадьбе погуляли... И лишь спустя годы многие из них поймут, наверное, сколь опасными, а может, и гибельными для них могли оказаться эти дни; и только один человек уже тогда знал, что ходит по лезвию бритвы, — это Артамон Матвеев, который умел вел жесткую политическую игру, ставка в которой — жизнь. Получив повышение, Матвеев раздает награды своим подчиненным: сотник Алексей Лужин заводит вскоре еще один двор, за Тверскими воротами.

Благодаря картинам Аполлинария Васнецова мы можем хорошо представить себе, как выглядел, не только город, но и горожане в XVII веке. Можно сказать, что картины Васнецова густо заселены стрельцами в коричневых, красных и часто зеленых каftанах. Художник, несомненно, знал историю элитного Петровского полка Артамона Матвеева, не случайно поэтому на многих картинах они на первом плане —

стрельцы в зеленых кафтанах с высокими шапками, отороченными мехом, пешком и на лошади, с копьями и бердышами, и среди них, конечно же, Алексей Лужин. Во всяком случае теперь мы хорошо представляем, как он мог бы выглядеть.

На картине «Пушечно-литейный двор» — перед нами молодой человек в ладно сшитой одежде; из архивов мы знаем, что у Алексея Лужина был свой портной, его дворовый человек Иван Назаров. Случилось так, что он бежал от Лужина, прихватив с собой кое-что из одежды. Мы никогда не узнаем мотивов его поступка — то ли это была любовь, как у лесковского тупейного художника, а может быть, все было гораздо прозаичней — жизнь невмоготу...

Хозяин подает члобитную о побеге своего портного, а в числе подробно описанной украденной одежды значится «шапка зеленая с лисицей» — еще одно доказательство того, что служил Алексей в 3-м Петровском полку.

Карьера и судьба Алексея Лужина определялась Артамоном Матвеевым. А в январе 1676 года судьба Матвеева висит на волоске: его покровитель царь Алексей умирает... В царской опочивальне разворачивается жестокая политическая борьба за место у будущего трона. Соперники все те же: родственники первой жены Милославские и родственники второй жены Нарышкины во главе с Артамоном Матвеевым. В доме Матвеева в Столповом переулке собираются бояре — его сторонники и стрелецкие начальники, верные Матвееву. Все понимают, что в конечном счете все решает сила. В другом доме то же решают Милославские. Но на этот раз удача изменила Матвееву; кремлевский терем заняли Милославские со своими сторонниками и верными им стрелецкими полками; именно стрельцы не пропустили Артамона к постели умирающего царя, а бояре принесли присягу сыну Алексею Михайловичу от Марии Милославской Федору. На следующий день повторяется сцена пятилетней давности: на этот раз воеводой в Верхотурье должен немедля отбыть Матвеев; его даже не допускают проститься с юным царем, которого он растил и нянчил: абсолютно тот же сценарий, когда жертвой был Иван Милославский, а судьей Матвеев.

В начале февраля покидал Матвеев Москву. «Собрал он сына, племянников, лодей необходимых: монаха, священника да учителя, дворни большую да две пушки для безопасности. Поехали... Но едва успели доехать до Лашева, как Матвеева остановили. Явился полуолова московских стрельцов, Лужин, и потребовал книгу лекбниц, в которой многие статьи писаны цифрию, потребовал вместе с книгою и двух людей: Ивана еврея и карлу Захара», — читаем мы в книге Всеялова Соловьева «Царь-девица» (Эврика, 1990, стр. 117). Иными словами, Матвееву было предъявлено обвинение в чернокнижии и наказание изменено: отнято боярство, деньги и пришлось изменить маршрут — вместо Верхотурья отправиться в Пустозерск.

Я попыталась представить, понять, почему Милославские отправили вдогонку Матвееву именно Лужина. На мой взгляд, выбор пал на Лужина только потому, что он был близок Матвееву и, скорее всего, предан ему. Исключительно чтобы поиздеваться и сделать ему больнее, выбрали для объявления столь гнусного обвинения человека, близкого и приятного Матвееву. За выполнение этой миссии Лужин был обласкан новыми властями, о чем говорят некоторые факты его биографии.

В том же 1676 году:

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ФАМИЛИЙ И ЛИЦЪ,

БОЯРСКИХ КНИГЪ.

Составлено в 1678 году

МОСКОВСКОГО АРХИВА

Московская Юстиция,

въ 1678 году въ 1678 году

11/145

МОСКОВА.
На Титове С. Симонове.
1678.

Алексей Лужин и сын его Петр
внесены в Боярскую книгу

Лужины.

Алексей Матвеевъ

Дв. Мос. 7184

въ нач. 9 800

Петръ Алексеевъ

Стряпч. 7186

7 732

Лужинъ.

Васильй

Дв. 7184

8 1595

1) Алексей Лужин внесен в Боярскую книгу как «Дворянин московский в начальных людях»;

2) Петр Лужин, сын Алексея, внесен в Боярскую книгу в 1678 году, получив придворный (а не военный, как отец) чин стряпчего;

3) через два года после низложения Матвеева Лужин получает повышение — становится головой (полковником) московских стрельцов;

4) еще через два года следующее повышение — он назначен на 2 года воеводой в Дмитров.

Надо сказать, что за 20 лет службы в правление Алексея Михайловича в карьере и имущественном положении Алексея Матвеевича изменения происходили довольно медленно: всего одно повышение по службе и всего одна жалованная грамота на земли в 1669 году — году смотра царских невест.

В правление Федора Алексеевича вместе с назначением на пост воеводы (1680—1683) Лужин получает жалованые грамоты в 1680/81 годах на вотчины в Кинешемском и Алексинском уездах. Именно в это время воевода Лужин отстраивает в Григорьеве свой вотчинный двор — через 23 года после его покупки. К уже имеющимся землям Лужин добавляет деревню Боброво и пустошь Корлыгино.

Крепостным и дворовым людям Лужина лилось несладко — об этом рассказывают архивы. Имеются записи о многочисленных побегах целых крестьянских семей из поместий Лужиных; в архиве имеется целое дело о незаконном присвоении бег-

лых крестьян из вотчины Лужиных князем Петром Андреевичем Солнцевым-Засекиным; имеются также документы о беглых дворовых людях.

Должность воеводы — последняя в служебной карьере Алексея Матвеевича. Однако на склоне лет происходит важное событие в его личной жизни: в 1683 году он вступает во второй брак. Его избранница — дочь Андрея Ивановича Вышеславцева Прасковья; вскоре появляется на свет второй сын — Федор.

Каким же он был, первый из рода Лужиных? Нам ничего не известно о его внешности, но словесные портреты его потомков позволяют сделать вывод, что их прадед был высокого роста, крепкий, стройный мужчина. А вот о характере можно сказать гораздо больше. Из тех фактов его биографии, которые нам известны, наверняка можно утверждать, что это был человек умный, хитрый, жадный (будучи воеводой, «волевым решением» присоединил к Григорову земли, принадлежавшие соседям. В его характере были также угодливость и приспособленчество, впрочем типичные черты людей его среды. Главный идеологический спор XVII века — церковный раскол не затронул судьбы Лужина, точнее он остался приверженцем новой царевой веры — православия в духе Никона. Алексей Матвеевич обладал сильным характером и не прощал обид.

Например, сохранилось дело 1686 года по иску Алексея Матвеевича Лужина на Семена Матвеевича Батюшкова «За бесчестие его, Лужина на площади при многих людях». Из документов мы узнаем, что Батюшков, узнав, что на него подан иск в судный приказ, из Москвы скрылся и к суду не явился. Алексей Матвеевич добился того, чтобы на вотчину Батюшкова в сузальском уезде была наложена за его обиду дополнительная пошлина.

Это было за 2 года до его кончины — в первой половине 1688 года он умер. По составленной Алексеем Матвеевичем духовной грамоте свои дмитровские вотчины он завещает своей второй жене Прасковье и сыну Федору. Никаких письменных свидетельств о второй жене Лужина не сохранилось, но можно с уверенностью сказать, что у этой женщины был твердый, решительный характер, это была умная, очень честолюбивая женщина.

Сохранился любопытный документ — челобитная вдовы А.М.Лужина Прасковьи и ее сына Федора, адресованная юным царям Ивану, и Петру. Она — хозяйка 6 московских домов и нескольких поместий — пишет о себе как до конца разоренной вдове, здесь же упомянуты Милославские, для Прасковьи они были всего лишь соседи, помещики, такие же, как и она сама. Кстати, челобитная ходила по бюрократическим приказам XVII века ровно год.

Григорово времен Алексея Лужина и Дом юного туриста сегодня... Что может быть общего?

Кроме мало изменившегося ландшафта, есть и еще кое-что, близкое к XVII веку. Это место хозяина григоровской земли в современной ему структуре власти. Летние domiki Дома юного туриста и дома на бывшей лужинской земле, к примеру, недалеко от Муханок, кстати, внешне напоминающие коромы Алексея Михайловича. Не верите? Зайдите в «Зеленую гостиную» — бывшую домашнюю церковь — и слева на стене увидите рисунок двора вотчинников.

Удивительное дело: конец двадцатого века повторяет силуэты века семнадцатого. История повторяется...